

Трошин Николай Николаевич*, старший научный сотрудник Центра экономических исследований РИСИ.

К 200-летию дискуссии о соотношении протекционизма и свободы торговли в российской внешнеэкономической политике

Одним из неожиданных последствий мирового финансового кризиса стало возвращение на повестку дня мер протекционизма, казалось бы, уже давно забытых в условиях всеобщей глобализации. Несмотря на неоднократно подтверждённую странами, входящими в "большую двадцатку", приверженность принципам свободы торговли и инвестиций, многие государства всё больше озабочены защитой своих национальных рынков от влияния мировых кризисных процессов.

В России ещё одним побудительным мотивом возросшего интереса к протекционизму стало завершение процесса присоединения нашей страны к Всемирной торговой организации. С одной стороны, при вступлении в эту организацию Россия приняла на себя ряд обязательств, призванных облегчить иностранным компаниям доступ на наш рынок. С другой – достаточно громко звучат многочисленные заявления, что в результате отечественные промышленные и сельскохозяйственные предприятия будут просто разорены со всеми вытекающими социальными и экономическими последствиями.

Впрочем, дискуссия эта не нова. Вот уже скоро 200 лет как российские противники и сторонники свободы торговли впервые сошлись в публичном споре по злободневным вопросам внешнеторговой политики. Произошло это в 1816 г., когда окончательно завершилась война с Наполеоном и встал вопрос о принятии нового таможенного тарифа.

В это время в России ещё действовало "Положение о нейтральной торговле..."¹, принятое 19 декабря 1810 г. только на 1811 г., но затем ежегодно продлевавшееся. В манифесте, при котором было опубликовано Положение, вполне ясно указывалась его цель: "...преградить усиление непомерной роскоши, сократить привоз товаров иностранных и поощрить,

---

* troshinrasi@rambler.ru.

¹ В 1808–1812 гг. по условиям Тильзитского мира Россия должна была участвовать в Континентальной системе Наполеона и прекратить торговлю с Англией. В то же время торговля на кораблях нейтральных стран договорённостями России с Францией никак не регулировалась, что вызывало периодические споры и в конечном итоге привело к появлению названного Положения, которое в значительной степени облегчило процедуру доказательства нейтральности корабля и груза.

сколь можно, произведения внутреннего труда и промышленности"². В соответствии с этим в приложенных к Положению росписях перечислялись товары и товарные группы, разрешённые к привозу в Россию, с указанием ставок таможенных пошлин³. Сырьё для российской промышленности, как правило, допускалось беспошлинно, за исключением хлопчатобумажной и шерстяной пряжи. Товары, используемые в производстве (как, например, красильные вещества), облагались умеренной пошлиной в фискальных целях. В то же время на сахарный песок (служивший сырьём для производства сахара – для того времени предмета роскоши) пошлина была повышена. Из готовых изделий разрешался провоз лишь некоторых видов тканей (бумажное полотно, гарус, кумач) и небольшого числа других. Товары, не указанные в росписях (всего до 500 позиций, включая, например, все шерстяные и шёлковые материи, большинство изделий из железа, жёсть, писчую бумагу, посуду, кроме старой медной, сахар и многое другое), было вообще запрещено ввозить.

Уже в апреле 1813 г. министр финансов Д. А. Гурьев заговорил о необходимости пересмотра таможенной политики. Отмечая постепенное восстановление свободы торгового мореплавания на Балтике и в Северном море, он полагал, что продолжение запретительной системы может привести к снижению доходов бюджета, и предлагал принять новый тариф, "сообразный настоящему положению и нуждам государства"⁴. Однако Александр I лишь после победы над Наполеоном дал Д. Гурьеву соответствующие указания и учредил в начале 1815 г. специальный комитет для рассмотрения тарифа.

Подготовленный министром финансов проект нового тарифа вызвал целый ряд возражений. Так, против отказа от запретительной системы высказался министр внутренних дел О. П. Козодавлев, чьё ведомство отвечало за развитие промышленности. В своей записке Александру I он писал, что в основе нового тарифа лежат "метафизические рассуждения" некоторых экономистов. Если они будут реализованы, считал О. Козодавлев, то отечественные фабрики будут разрушены и Россия будет принуждена заниматься одним хлебопашеством. Между тем, продолжал он, "хлебопашество без фабрик процветать не может", а народ, "занимающийся единственно земледелием, навсегда остаётся в нищете и в невежестве". Эти соображения, как утверждал О. Козодавлев, разделял также государственный контролёр Б. Б. Кампенгаузен⁵. Своё мнение в Комитет о тарифе представил и адмирал Н. С. Мордвинов, который

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание Первое. Т. 31 : 1810–1811. СПб. : Печатано в Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. № 24.464. С. 487.

³ По этой причине "Положение о нейтральной торговле" уже современники часто называли "Тарифом 1811 года" (иногда в литературе встречается название тариф 1810 г. – по дате принятия). Формально это Положение не является самостоятельным тарифом, но общим дополнением к предыдущему тарифу 1797 г. Именно в этот раздел поместил его М. М. Сперанский при подготовке Полного собрания законов.

⁴ Сборник исторических материалов, извлечённых из Архива Первого отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. Вып. 1. 1876. "II Материалы для истории Отечественной войны". С. 52–53, 54.

⁵ *Лодыженский К. Н.* История русского таможенного тарифа / К. Н. Лодыженский. Челябинск : Социум, 2005. С. 373–376.

самым непосредственным образом участвовал в принятии "Положения о нейтральной торговле".

Занимая с момента реорганизации Государственного совета в 1810 г. пост председателя Департамента государственной экономии⁶, Н. Мордвинов часто подавал записки по самым актуальным вопросам экономической политики. Однако в этот раз он решил свои соображения опубликовать. Побудительным мотивом стал выход в свет "Курса политической экономии", написанного известным в то время экономистом Г. Шторхом, в котором тот отстаивал свободу внешней торговли и утверждал, что Россия не должна заниматься ничем, кроме земледелия. О чём сам Н. Мордвинов написал Александру I, испрашивая разрешения на распространение своей книги⁷. Таким образом было положено начало публичной дискуссии по вопросам внешнеторговой политики.

В своих рассуждениях Н. Мордвинов, как и упомянутый выше О. Козодавлев, исходил из того, что рост народного благосостояния напрямую связан с созданием собственной промышленности, без которой земледелие не может нормально развиваться. "Недостаток фабрик в России, – писал он, – есть, может быть, главная из причин, что земледелие в оной получило самое малейшее усовершенствование"⁸. В этих условиях правительство, по его мнению, должно не полагаться на естественный ход событий, а само содействовать заведению в стране разнообразных фабрик и мануфактур, в том числе запрещая привоз промышленных товаров из-за границы.

Соглашаясь с тем, что протекционистские меры приведут к некоторому росту цен, Н. Мордвинов полагал, что это явление временное. "Получение хорошей цены, – писал он, – побудило бы многих частных людей" заняться промышленным производством с целью получения прибыли. "Сей самый прибыль возродил бы между ими соревнование, от коего цены понизились бы сами собою"⁹. С другой стороны, доказывал Н. Мордвинов, с разрешением свободного ввоза иностранных товаров курс рубля неизбежно упадёт и "с наводнением России чужеземными товарами все запрещённые и дозволенные ныне соделаются ещё дороже"¹⁰.

Повышение или понижение цен, по его мнению, "отнюдь не происходит от тарифа"¹¹, а определяется состоянием обменного курса рубля. Чем он ниже, тем в общем выше цены на все товары, причём не только импортные, но и произведённые внутри страны. В свою очередь, курс рубля зависит от того, превышает ли экспорт привоз товаров или по стоимости импорт превосходит экспорт. Разрешение ввоза запрещённых товаров приведёт к резкому увеличению импорта, которое, как полагал Н. Мордвинов, не может быть компенсировано соответствующим ростом

⁶ В марте 1812 г., после ареста и высылки М. Сперанского, Н. Мордвинов подал в отставку. Вновь был назначен на эту должность в 1816 г., но в конце 1817 г. снова ушёл в отставку и на два года уехал за границу. По возвращении в 1820 г. назначен на должность председателя Департамента гражданских и духовных дел.

⁷ Архив графов Мордвиновых : [в 10 т.] / предисл. и примеч. В. А. Бильбасова. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1902. Т. 5. С. XVII.

⁸ Там же. С. 77.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ Там же. С. 89.

¹¹ Там же.

экспорта. "Мнение, что за прибавляющийся привоз к нам иностранных товаров мы вознаграждать можем умножением выпуска собственных произведений, есть крайне обманчивое и от существа истины весьма далёкое"¹², – писал он.

Дело в том, что основными статьями российского экспорта являлись сырьевые товары, спрос на которые, как отмечал Н. Мордвинов, резко увеличивался лишь в крайних случаях. Так, вывоз хлеба был значительным "при одних только неурожаях в Европе", и даже торг пенькою, "столь прибыльный для России, бывает таковым тогда только, когда морские державы ведут войну"¹³. Не имея, таким образом, возможности оплачивать импорт за счёт увеличения экспорта, Россия должна будет заплатить за привоз иностранных товаров звонкой монетой. В результате же оттока серебра из страны курс рубля неизбежно понизится, что, в свою очередь, приведёт к общему повышению цен.

Н. Мордвинов справедливо полагал, что "свобода внешней торговли могла бы... быть полезною", но лишь тогда, когда все участвовавшие в ней страны согласились бы "уничтожить все вообще воспретительные по торговле узаконения"¹⁴. Начинать вводить свободу торговли с России, в то время как остальные государства продолжают запрещать привоз к ним готовых изделий, он находил крайне неосторожным и неблагоприятным. Даже А. Смит, писал Н. Мордвинов, если бы его спросили, что делать в такой ситуации, сказал бы: "Не другое, как следующее: воспретите и вы равномерно ввоз иностранных к вам товаров, если не желаете по необходимо нужным вам изделиям оставаться в вечной зависимости и политическом рабстве" у других народов¹⁵.

Таким образом, по мнению Н. Мордвинова, преждевременное принятие свободы торговли, лишив Россию отечественной промышленности, способствовало бы её экономическому отставанию и могло даже привести к потере политической независимости.

С развёрнутым обоснованием противоположной точки зрения выступил чиновник департамента внешней торговли в Министерстве финансов Карл Арнольд. В начале 1816 г. он опубликовал "Мнение о системе тарифа в России", которое фактически отражало взгляды руководства финансового ведомства.

Прежде всего К. Арнольд указал на специфические причины, приведшие к принятию "Тарифа 1811 года". Действие Континентальной системы, установленной Наполеоном для борьбы с Англией, привело к тому, что Россия оказалась вовлечена, и весьма активно, в посредническую торговлю колониальными товарами. "Почти половина Западной Европы получала оные в то время через Радзивилов и Поланген из России", – писал он, добавляя, что все выгоды от этого могли быть уничтожены "непомерным ввозом мануфактурных и фабричных товаров" из тех же стран¹⁶.

¹² Архив графов Мордвиновых. Т. 5. С. 86.

¹³ Там же. С. 88.

¹⁴ Там же. С. 99.

¹⁵ Там же. С. 97–98.

¹⁶ Арнольд К. Мнение о системе тарифа в России / [соч.] надворным советником К. Арнольдом. СПб. : при I-м Кадетском корпусе, 1816. С. 3.

В то же время война со Швецией, в которую Россия оказалась втянута по условиям Тильзитского мира, требовала чрезвычайных издержек. Между тем количество выпущенных правительством ассигнаций превысило потребности обращения, что привело к падению курса рубля. В результате цены на все товары повысились. "Последствием же была, – отмечает К. Арнольд, – значительная между государственными доходами и расходами разность"¹⁷, для покрытия которой опять-таки использовали выпуск ассигнаций. Чтобы выйти из этого порочного круга, правительство решилось, наконец, прибегнуть к решительным мерам, а именно, как пишет К. Арнольд, "к замене недостатка в доходах другими способами"¹⁸.

Таким образом, правительство, с одной стороны, нуждалось в дополнительных доходах, а с другой – "по стекшимся тогда обстоятельствам" считало необходимым поддержать отечественные фабрики и мануфактуры¹⁹. Этим задачам как нельзя лучше отвечал "Тариф 1811 года", который не только повышал пошлины на ряд импортируемых товаров, но и вводил новые на некоторые товары традиционного российского экспорта, которые пользовались стабильным спросом на европейских рынках, например на пеньку.

Однако после победы России в Отечественной войне 1812 г. ситуация стала коренным образом меняться. Вслед за успехами русского оружия в Европе там восстанавливались старые торговые связи. В результате "посредническая торговля России с 1813 г. стала обще с пошлинным сбором постепенно уменьшаться"²⁰, – отмечал К. Арнольд. Таким образом, все преимущества, которые получала Россия от введения "Тарифа 1811 года", сводились на нет.

России могли оставаться только "выгоды, от запрещения ввоза мануфактурных и фабричных товаров происходившие", – писал К. Арнольд, но тут же задавался вопросом, а есть ли в России возможность "учреждать и содержать с пользою и в достаточном количестве фабрики и мануфактуры"²¹, чтобы самим производить большую часть привозных товаров.

По мнению К. Арнольда, заведение в России собственных фабрик сопряжено со многими трудностями. Это связано с тем, что "1. Содержание и плата вольнонаёмным работникам... обходятся в России дороже, нежели в чужих краях... 3. Платятся здесь изстари гораздо бóльшие проценты, нежели в других государствах; 4. Строения, машины и инструменты обходятся у нас также гораздо дороже... 6. Относительно вкуса и искусства у нас только лишь подражают другим землям" и т.п.²² В результате отечественная промышленность оказывается неконкурентоспособной ни по ценам на свою продукцию, ни по её качеству. Отсюда, как полагает К. Арнольд, проистекают "предубеждения россиян и предпочтение иностранных фабричных произведений"²³.

¹⁷ Арнольд К. Мнение о системе тарифа в России. С. 3.

¹⁸ Там же. С. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же. С. 6–7.

²² Там же. С. 12–14.

²³ Там же. С. 14.

В условиях, когда отечественная продукция значительно уступает иностранной "относительно цены и доброты товаров", запретительная система лишь способствует распространению контрабандной торговли. Учитывая протяжённость российских границ, правительству не так легко пресекать эту торговлю. Но ущерб от контрабанды не ограничивается фискальными потерями. Увеличивается коррупция среди таможенных чиновников, что, "подрывая нравственность народа, уже в сём отношении вредит оному"²⁴.

Но самый главный аргумент К. Арнольда заключался, пожалуй, в том, что в результате запрета на привоз иностранных товаров общество принуждено платить своего рода налог в пользу отечественных фабрикантов. По его расчётам аршин английского сукна обходился российскому покупателю в 30 руб., для пошива фрака нужно 2,4 аршина на сумму 67,5 руб. Такой фрак "по доброте сукна годится на два года". С другой стороны, аршин лучшего российского сукна стоил от 25 до 30 руб. Из-за "недостаточной ширины онаго" на фрак нужно было 2,5 аршина, которые по минимальной цене стоили 62,5 руб. Но такой фрак, по словам К. Арнольда, "по большой мере годится на год". Следовательно, на два года требовалось сукна уже на 125 руб. "Итак, – заключал К. Арнольд, – покупатель теряет на русском сукне около 851/6 проц."²⁵

Дальше он вычислял общие потери от запрета привозить сукно иностранного производства. Приняв "количество английского сукна, которое может быть расходувано в России", за 1400 тыс. аршин, К. Арнольд находил, что от недополученных таможенных пошлин "государственная казна лишается 10,5 миллионов рублей ежегодного дохода", кроме того, из-за разницы в качестве "подданные платят российским фабрикантам около 28 миллионов ежегодной дани". Если же прибавить сукно, привезённое из Голландии и Франции, то ежегодные потери возрастут до 16,5 и 30 млн руб. соответственно. Всего же потери населения в виде переплат отечественным фабрикантам по тем промышленным товарам, импорт которых был запрещён, по мнению К. Арнольда, достигали 100 млн руб. в год²⁶.

Впрочем, доказывая последний тезис, он заметил ошибку в своих расчётах, которая заметно исказила итоговые цифры. Произведя вычисления полностью в соответствии со своими первоначальными предположениями, К. Арнольд определил ежегодные потери населения на английском сукне в размере 18 млн руб., "за все же иностранные сукна потери около 25 миллионов". Ещё более существенно он понизил оценку общих потерь от действия запретительной системы – до 35 млн руб.²⁷ Но и это была весьма значительная сумма.

Сейчас уже трудно сказать, в какой степени были учтены аргументы сторон. С достоверностью можно утверждать лишь то, что на окончательной редакции тарифа сказались личные взгляды Александра I. В манифесте, которым тариф 1816 г. вводился в действие, к традиционной фразе "вняв мнению Государственного совета" на этот раз было прибавлено

²⁴ Арнольд К. Мнение о системе тарифа в России. С. 15.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Там же. С. 29–30.

²⁷ Там же. С. 51–52.

"и по собственному нашему подробному исследованию всех предметов, входящих в основание нового тарифа"²⁸.

Тариф 1816 г. значительно ограничил перечень товаров, запрещённых к привозу. Тем не менее часть изделий, в том числе некоторые шёлковые и шерстяные ткани, по-прежнему оставались под запретом. В соответствии с тарифом это запрещение должно было продлиться в течение 12 лет (за исключением рома, "коего привоз в поощрение сахарных фабрик" был запрещён только до 1 января 1819 г.²⁹). Однако, выполняя обязательства, принятые Россией на Венском конгрессе в 1815 г., Александр I должен был нарушить данное им купцам и промышленникам обещание и 20 ноября 1819 г. утвердил очередной тариф³⁰. По новому тарифу, вступившему в силу с 1 января 1820 г., были отменены почти все запрещения на привоз иностранных товаров в Россию. И хотя таможенные пошлины на готовые изделия по этому тарифу оставались велики (60 % стоимости для предметов роскоши и 30 % для товаров, производство которых развито в России)³¹, разрешение привозить любые товары сделало тариф 1819 г. одним из самых либеральных в России.

В том, что он имел самые негативные последствия для российской внешней торговли и отечественной промышленности, сходятся практически все исследователи. Между тем ввоз готовых изделий в Россию резко увеличился уже в 1816–1819 гг., когда действовал ещё предыдущий тариф (табл. 1). Причём если рост общего объёма импорта за этот период составил 54 % по сравнению с 1812–1815 гг., то ввоз готовых изделий увеличился в разы. Особенно сильно вырос импорт продукции именно тех отраслей, которые ранее были в наибольшей степени защищены от привоза. В частности, импорт шерстяных изделий увеличился в 35,5 раза, шёлковых – в 16,6 раза, а хлопчатобумажных – в 2,1 раза.

Таблица 1

Среднегодовая стоимость импорта тканей в Россию (тыс. руб.)*

	Импорт, всего	В том числе ткани			
		хлопчатобумажные	льняные	шерстяные	шёлковые
1812–1815	106177	7031	125**	404	274
1816–1819	163711	14469	207	14344	4539
1820–1821	226605	20966	2019	25607	9827
1822–1825	171723	10439	596	13582	6413

* Рассчитано автором по данным: Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX вв. : интернет-сайт. URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/10_ftr.htm (дата обращения: 11.06.2013).

** Средняя за два года, нет данных за 1813 и 1815 гг.

От негативных последствий российской экономику спасло только то, что это увеличение импорта было перекрыто ещё большим ростом экспорта. Как раз в это время неурожаи в Европе вызвали огромный спрос на российский хлеб. Если в 1811–1815 гг. среднегодовой вывоз зерновых

²⁸ ПСЗРИ. Т. 33 : 1815–1816. СПб., 1830. № 26.218. С. 589.

²⁹ Там же. С. 592.

³⁰ ПСЗРИ. Т. 36 : 1819. СПб., 1830. № 27.988. С. 382.

³¹ Лодыженский К. Н. Указ. соч. С. 195.

из России составлял 549,6 тыс. четвертей, то в 1816–1819 гг. он увеличился до 3466,1 тыс. четвертей, или более чем в 6 раз. В одном только 1817 г. было экспортировано 5203,6 тыс. четвертей зерновых, в том числе 2338 тыс. четвертей пшеницы³². В результате под действием этих временных факторов торговый баланс России оставался положительным, несмотря на быстрый рост импорта.

Однако уже в 1818 г. темпы роста российского экспорта начинают снижаться. В то же время тариф 1819 г. придал новый импульс увеличению импорта. Причём на этот раз вырос даже привоз льняных тканей, производство которых имело в России давние традиции и было широко распространено. Если в 1816–1819 гг. льняных изделий привозилось в среднем на 207 тыс. руб. в год, то в 1820–1821 гг. их импорт подскочил до 2019 тыс. руб.³³, увеличившись в 9,7 раза.

Стоимость всего импорта в 1820 г. увеличилась на 38,4 % по сравнению с 1819 г. и составила 245,2 млн руб., превысив экспорт на 22,7 млн руб. (табл. 2). Таким образом, впервые сальдо торгового баланса страны стало отрицательным, чего не наблюдалось даже в годы участия России в Континентальной системе.

Таблица 2

Общие объёмы внешней торговли России (тыс. руб.)*

	1815	1816	1817	1818	1819	1820	1821	1822
Экспорт	219449	200226	294622	255901	215141	222502	200131	188186
Импорт	113778	129337	167194	181218	177094	245172	208038	156476
Сальдо	105671	70889	127428	74683	38047	-22670	-7907	31710

* Рассчитано автором по данным: Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX вв. : интернет-сайт. URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/10_ftr.htm (дата обращения: 11.06.2013).

Без учёта транзита и ввоза и вывоза золота и серебра в монете и слитках.

В то же время остальные страны не спешили вводить у себя свободу внешней торговли, о которой так много говорилось в ходе Венского конгресса в 1815 г. И прежде всего Англия, которая, несмотря на успехи своей промышленности, продолжала придерживаться запретительной системы. Во Франции и Австрии действовал обширный перечень запрещённых к привозу товаров. Даже Пруссия приняла тариф, повышавший пошлины на импортное сырьё. На это обстоятельство особо указывал в своём письме прусскому королю Александр I. В результате, отмечал он, оставаясь верной началам системы свободной торговли, Россия одна должна принести все большие жертвы³⁴.

³² Неболсин Г. П. Статистическое обозрение внешней торговли России : в 2 ч. / [соч.] Григория Неболсина. СПб. : Тип. Деп. внеш. торг., 1850. Ч. 1. С. 3–4.

³³ Расчёты автора см.: Денежные объёмы импорта разных товаров и товарных групп. 1802–1915 / сост. раздела канд. ист. наук Т. Я. Валетов // Динамика экономического и социального развития России в XIX – начале XX вв. : интернет-сайт. URL: http://www.hist.msu.ru/Dynamics/10_ftr.htm (дата обращения: 11.06.2013).

³⁴ Собрание Трактатов и Конвенций, заключённых Россией с иностранными державами / по поручению Министерства Иностранных Дел составил Ф. Мартенс, профессор Императорского С.-Петербургского Университета. СПб. : Тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1888. Т. 8 : Трактаты с Германиею. 1825–1888. С. 6.

Применение европейскими странами ограничительных мер в отношении российского экспорта (прежде всего, пшеницы) наряду с падением собственной промышленности из-за роста конкуренции с импортными товарами грозили России усилением дисбаланса во внешней торговле и оттоком за границу звонкой монеты. В этих условиях русское правительство уже в конце 1821 г. сочло необходимым проводить независимую торговую политику. Обосновывая это решение перед иностранными государствами, министр иностранных дел К. В. Нессельроде писал: "Если увидят, с одной стороны, неизбежную гибель нашей сельской и мануфактурной промышленности и, с другой... что выше наших сил оставаться в таком критическом положении, то, наверное, ни один голос в Европе не возвысится против нас за то, что мы перестали исполнять неисполнимые обязательства"³⁵.

Уже 12 марта 1822 г. Александр I подписал манифест о введении нового тарифа, в котором вновь говорилось о необходимости покровительства отечественной промышленности³⁶. По тарифу 1822 г. из 900 товарных позиций запрещался привоз по 300, а на остальные вводились повышенные пошлины. Отдельные сорта тканей, вин, пряностей, табака облагались пошлиной от 100 до 250 % их стоимости, пошлина на чугун достигала 600 % стоимости. Тариф 1822 г. с некоторыми изменениями просуществовал в России до середины XIX в.

Казалось бы, сама История поставила точку в споре протекционистов со сторонниками свободной торговли. Однако не стоит спешить с выводами. Так, например, К. Н. Лодыженский отмечал, что по "тарифу 1822 г. были совершенно запрещены к привозу приблизительно те же предметы, что и в тарифе 1816 г."³⁷ Следовательно, с введением нового тарифа Россия возвращалась скорее к той системе, которая была принята в 1816 г. и подверглась критике со стороны Н. Мордвинова и других сторонников протекционизма. Собственно, об этом же свидетельствует и статистика (см. табл. 1). Объёмы импорта готовых изделий в 1822–1825 гг. сократились, но лишь до уровней 1816–1819 гг.

Нельзя утверждать также, что запрет на импорт готовых изделий, закреплённый в тарифе 1822 г., однозначно способствовал развитию отечественной промышленности. С одной стороны, без него был бы невозможен рост хлопчатобумажной промышленности. Хотя, как показал М. И. Туган-Барановский, тариф 1822 г. был необходимым, но не достаточным условием этого роста. Не меньшее значение имела, например, отмена Британией в 1842 г. запрета на вывоз бумагопрядильных станков³⁸. Иными словами, росту хлопчатобумажной промышленности в немалой степени способствовало постоянное совершенствование производства, которое должны были осуществлять промышленники под влиянием как внутренней, так и внешней конкуренции.

³⁵ См.: Собрание Трактатов и Конвенций ... Т. 8. С. 7.

³⁶ ПСЗРИ. Т. 38 : 1822–1823. СПб., 1830. С. 104.

³⁷ Лодыженский К. Н. Указ. соч. С. 199–200, прим. 60.

³⁸ Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке / М. И. Туган-Барановский. М. : Наука, 1997. С. 124, 126–127.

С другой стороны, металлургическая промышленность находилась в стагнации. К концу 50-х гг. XIX в. производство чугуна в России едва достигло 16 млн пудов. "Поразительный застой нашего чугуноплавильного дела особенно бросается в глаза, – писал М. Туган-Барановский, – если сопоставить его с развитием этой отрасли промышленности... в Англии, которая в конце прошлого века выплавляла столько же чугуна, сколько Россия (8 млн пудов), а в 1859 г. довела выплавку до 234 млн пудов"³⁹.

Если развитие бумажно-ткацкой промышленности сопровождалось модернизацией производства, что отражалось в снижении цен, то цена железа, как и техника его выплавки в России, за полвека практически не изменилась. Среди причин такого технического застоя М. Туган-Барановский указывал среди прочего на отсутствие внутренней конкуренции при том, что от привоза иностранного железа отечественный производитель был защищён высокими таможенными пошлинами. В результате горнозаводчик был лишён стимула к техническому совершенствованию, так как получение прибыли ему было гарантировано фактически монопольным положением на внутреннем рынке⁴⁰.

Таким образом, как сторонники протекционизма, так и приверженцы свободы торговли могут черпать примеры в подтверждение своих теоретических построений из экономической практики. При этом сама аргументация за 200 лет не претерпела серьёзных изменений. В этом легко убедиться, заглянув в любой современный учебник по макроэкономике. Так что правительству при выработке внешнеторговой стратегии приходится решать скорее прагматические задачи, находя допустимый на данный момент баланс между обеспечением свободы торговли и поддержанием тех или иных отраслей отечественной промышленности.

Ключевые слова: *протекционизм – свобода торговли – "Положение о нейтральной торговле" – таможенный тариф – развитие промышленности.*

Keywords: *protectionism – free trade – "Resolution on Neutral Trade" – customs tariff – development of industry.*

³⁹ Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. С. 137.

⁴⁰ Там же. С. 140, прим. 39.